

Виктор Жилияков: «Любопытство меня всегда опережало»

десять вопросов самому себе

В феврале на конкурсе СЖР «Золотое перо» одним из первых в стране награду «Легенда российской журналистики» получил Виктор Егорович Жилияков.

Это не первая его награда: у него орден Трудового Красного Знамени, орден почёта, медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и множество других наград и званий.

Формально Виктор Жилияков — из Краснодара, но по его биографии можно изучать историю страны: из 59 лет в журналистике 45 лет он был собственным корреспондентом ТАСС по Тыве, Западной Сибири и Краснодарскому краю.

После того как ТАСС «отпустил» его — в 74 года! — на пенсию, создал Совет ветеранов журналистики при СЖ Кубани, секретарём которого работает более 20 лет.

1. Журналистика — это...

...это моя жизнь. До сих пор иногда не верится, что я — простой парень, который вырос на пляже под Адлером, — видел пуск Саяно-Шушенской ГЭС, вбивал золотой костыль на последнем участке БАМа, участвовал в освобождении каравана судов в Арктике, стал почётным гражданином небольшого города в США, получил несколько самых высоких правительственных орденов.

Что, начиная с 1970-х годов, когда ведущие программы «Время» или новостей в других

странах рассказывали об открытии нефтяных и газовых месторождений-гигантов в Сибири или о строительстве Олимпийской деревни в Сочи, — они делали это, читая написанные мною строки.

2. Почему вы пошли в журналистику?

Да это как-то само собой получилось. Я был секретарём комсомольской организации школы № 38 под Адлером. Сейчас эта школа входит в комплекс Олимпийской деревни в Сочи. Рядом со школой стоял заброшенный парк. И мы, ученики, взяли и провели несколько субботников. Местный молочно-овощной совхоз «Россия» дал грузовые машины, а мы собирали в них мусор, камни... Как-то так в результате красиво получилось... О возрождении парка стали говорить: мол, комсомольцы сделали большое дело. Меня вызывает директор школы Нина Петровна Страхова: поезжай в Адлер, в районную газету «Адлерская правда», у тебя хотят взять интервью об этом субботнике. Я поехал. Вышел материал. Но почему-то не как интервью, а с моей подписью: Виктор Жилияков, учащийся 9-го класса. И когда статью опубликовали, меня все стали называть журналистом. А в это время уже ходили слухи, что два человека из Сочи учатся в МГУ на факультете журналистики: Саша Ершов из села Весёлое — мы все знали его отца-математика, и Виталий Игнатенко, который потом станет гендиром крупнейшего информационного агентства в мире — ТАСС. Я окончил школу с серебряной медалью и рванул в Москву. Но мне не повезло: как раз вышел указ

Хрущёва о том, что перед поступлением на факультет журналистики и юридический факультет нужно отработать два года. Меня завернули, я поехал обратно в Адлер, и меня взяли в «Адлерскую правду» литсотрудником.

Дом моих родителей стоял на улице Голубой, в пяти километрах от Адлера — там, где сейчас отель «Имеретинский» в Олимпийской деревне. Кстати, в Олимпийской деревне название этой моей родной улицы сохранили. А тогда в Имеретинке даже автобусов не было.

Родители держали корову. Утром я брал бидон молока, садился на велосипед и ехал в редакцию, а по дороге развозил молоко покупателям. Потом райком партии за хорошую работу подарил «Адлерской правде» мотоцикл К-700, с люлькой.

И главный редактор Николай Григорьевич Королев отдал его мне — как единственному мужчине в коллективе.

Вот тогда я и почувствовал этот вкус к журналистике. С тех пор я вообще не сидел за столом: садился на К-700 и ехал по полям, на уборку урожая, в горные сёла, сопровождал по горному «серпантину» сборную велосипедистов страны...

Когда главного редактора вызывали в Сочи, возил его и, с его разрешения, участвовал в совещаниях. Как-то так и пошло...

3. Кого из героев ваших материалов вы помните и почему?

Мне вообще очень везло на встречи. Собкором ТАСС по Западной Сибири я стал в самое горячее время, когда Советский Союз открывал всё новые и новые нефте- и газовые месторождения. Руководил этим процессом легендарный директор «Главтюменьнефтегаза» Виктор Муравленко, именем которого потом назвали город около Северного полярного круга.

Однажды после переезда в Тюмень меня пригласили к Муравленко, чтобы обсудить, когда выдавать на ленту ТАСС новость о первом миллионе тонн добытой нефти. Захожу в его кабинет, а там сидят человек десять, и у каждого свои задачи: геологи над картой, несколько нефтяников, помощники. Настоящий боевой штаб. Меня поразило, что в такой круговерти команда Виктора Ивано-

вича хорошо подготовилась. Например, Муравленко уже заранее знал, что я родом с Кубани, где вырос и он сам. Это была хорошая управленческая школа.

Очень ярко помню приезд Михаила Сергеевича Горбачёва в Уренгой, где находилось крупнейшее в СССР газовое месторождение. Это было в сентябре 1985 года. Вместе с Горбачёвым прилетело чуть ли не всё руководство страны: секретари ЦК по строительству Борис Ельцин, по промышленности Владимир Долгих, три зампреда Совета министров. Приехала и целая бригада из московского офиса ТАСС.

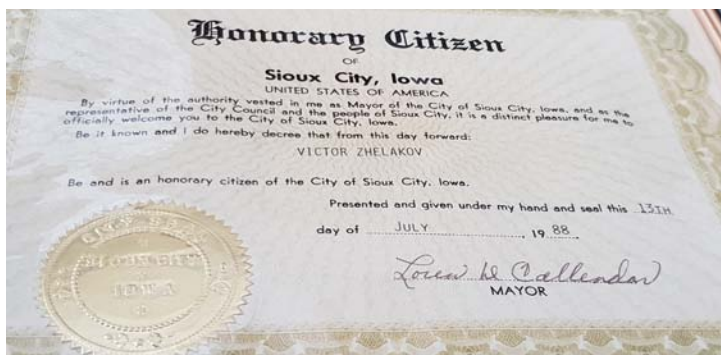
Конечно, мы засиделись допоздна. Но я всегда рано вставал, и тем утром тоже чуть ли не засветло пошёл туда, где Горбачёв должен был разговаривать с народом. А я не первый раз освещал приезды первых руководителей, меня все знали. Помощники и охрана показали мне место, куда должен был подойти Михаил Сергеевич. И я на этом месте так и застыл с диктофоном в кармане. А потом территорию оцепила охрана.

В общем, когда приехал Горбачёв, я оказался рядом с ним единственным журналистом, записал весь разговор и попал на все фотографии. Потом Раиса Максимовна Горбачёва использовала в своей книге снимок, где я стою с диктофоном.

На следующий день мне говорят: завтра Горбачёв летит в Краснодар и ты вместе с ним. Потому что Раиса Максимовна сказала: пусть наш визит на Кубань освещает этот тассовец. Самое интересное, что, когда я через год я переехал собкором в Краснодар, то получил квартиру недалеко от дома, в котором жил отец Раисы Максимовны и где я побывал вместе с Горбачёвыми в тот визит. Но в 1985-м я и не подозревал, что через год перееду туда и буду собкорить на Кубани целых 29 лет.

4. Вы считаете себя свободным от самоцензуры?

Да у меня и времени никогда не было на самоцензуру или на мысли о ней. Всю жизнь мне надо было ловить события, не упустить их. Сейчас, с годами, я понимаю, что мне как журналисту очень крупно повезло. Как правило, журналисты вынуждены искать новости. А меня новости всегда

сами находили.

После МГУ я по распределению работал на Ульяновском телевидении. Вообще меня после журфака сразу же брали в крупнейшую тогда газету «Сельская жизнь», но у моей жены — однокурсницы Веры Егоровой были проблемы со здоровьем, и мы поехали на её родину в Ульяновск, где тёща могла за ней ухаживать.

А буквально через пару лет — 100-летие Ленина. И я стал выходить на Центральное телевидение с репортажами о том, как Ульяновск готовится к юбилею великого земляка. И быстро вырос, как на дрожжах, из редактора передач о сельском хозяйстве стал главным редактором новостной редакции, а потом — и редакции художественных программ.

На торжествах по случаю ленинского юбилея, куда приехало всё руководство страны и, как сейчас говорят, правительственный пул, меня заметили тассовцы. Вскоре мы с семьёй поехали в мой первый корпункт ТАСС — в Кызыл. Ехали несколько дней в плацкартном вагоне, с годовалым сыном на руках и семилетней дочерью, которая потом тоже станет журналистом...

В далёкой Тыве хоть и мало людей, но это очень интересная земля. Я мотался по Тыве, и хотя мы прожили в ней всего год, меня знали даже чабаны под дальними сопками. А по пятницам многие чиновники, идя на работу мимо моего корпункта, звали меня на озеро Чагатай ловить рыбу и бортиться на поясах.

В общем, я никогда не задумывался, пройдёт мой текст или нет. Всё, что я писал, всегда выпускалось на ленту ТАСС. И всё, что я писал, всегда

шло от души. У меня никогда не было раздвоения: на кухне за рюмкой чая я говорю одно, а утром пишу другое. Я всегда такой, какой я есть. Всегда одинаковый — что на кухне, что за письменным столом.

Кстати, выйдя на пенсию, в квартире — бывшем корпункте, я ничего не поменял, как и не изменил сам распорядок дня. Он у меня по-прежнему тассовский: встаю утром рано и сразу иду «в корпункт» — за компьютер.

5. Что (или кто) помогает не терять веры в себя и в профессию?

Да я никогда эту веру и не терял. Вообще меня всегда по жизни вело любопытство. Журналисту надо быть очень любопытным человеком, а любопытство меня всегда опережало. Я даже когда в самолёт сажусь или прихожу в ресторан, засыпаю персонал вопросами.

Кстати, мне кажется, что именно моя открытость понравилась американцам. В 1988 году в штате Айова — это штат, после поездки в который Хрущёв когда-то провозгласил кукурузу царицей полей, — американцы решили подписаться на материалы ТАСС. Но сначала они захотели увидеть тассовца, который пишет внутри нашей страны о стране.

В ТАССе выбор пал на меня, и в июле 1988 года меня отправили в США. Я выступал перед разными людьми (кстати, на радио Kiwa в городке Шелдоне оставил запись в той же книге, где расписывался Хрущёв), и они почувствовали, что я говорю сердцем. Вот передо мной лежит грамота.

В ней мэр города Су-Сити, что в верховьях Миссури на западе штата Айова, от имени жителей города заявляет: со дня вручения этой грамоты 13 июля 1988 года Виктор Жилияков является почётным жителем города Су-Сити. Правда, сам я никогда не придавал значения этой записи.

6. «Если не журналистика, то...» — или где вы ещё можете принести пользу?

Наверное, я мог бы стать не самым плохим руководителем. Я всегда что-то организовывал: был комсоргом сначала школы, а потом — своего курса

на журфаке МГУ. Создал первый на журфаке стройотряд — мы поехали на целину и заняли второе место среди целинных стройотрядов МГУ, уступив только физфаку.

В ТАССе, когда освещал завершение строительства БАМа, создал первый мобильный корпункт. Сколько живу в Краснодаре — столько работаю секретарём Союза журналистов Кубани на общественных началах. 20 лет возглавлял жюри краевого конкурса «Золотое перо Кубани». Выйдя на пенсию, организовал Совет ветеранов журналистики — и Союз журналистов России решил, что наш опыт достоин распространения: на фестивале СЖР «Вся Россия-2019» в Сочи мы с председателем СЖ Кубани Дианой Александровной Горбань провели секцию о работе с ветеранами.

Был период, когда я работал вице-губернатором. Дело было так. Однажды, в 1994 году, группа ведущих редакторов Краснодарского края обратилась к губернатору Евгению Михайловичу Харитонову с вопросом: почему в администрации края нет человека, который бы представлял журналистское сообщество? По-моему, этот вопрос задал главред «Вольной Кубани» Виктор Александрович Ламейкин. А Харитонов ответил: «Проведите "референдум", кого вы выберете, того и назначим вице-губернатором по СМИ».

Союз журналистов Кубани создал оргкомитет, в который, кроме Ламейкина, вошли известные медиаменеджеры края — Владимир Викторович Рунов, Вячеслав Сергеевич Смеюха. Они провели тайное голосование среди главных редакторов всех газет Краснодарского края. И журналисты назвали меня. Так я стал вице-губернатором, как сейчас говорят, по связям с общественностью и СМИ. Сначала при Харитонове, а потом при сменившем его Николае Дмитриевиче Егорове, с которым, кстати, я дружил ещё с тех пор, как он был председателем одного из крупнейших и передовых колхозов Кубани.

Когда меня назначили на должность, я тут же спросил в администрации края: почему мы не оказываем финансовую помощь Союзу журналистов? У СЖ Кубани всегда были проблемы с деньгами. Мне ответили: для этого нужно решение Законодательного собрания края. Я обратился к депутатам ЗСКа с просьбой оказать финансовую по-

мощь краевому Союзу журналистов.

И тогда впервые союз получил 100 тысяч рублей, и дальше получал такую сумму в год. А потом другие творческие союзы, которым такую помощь не оказывали, возмутились, и этот финансовый «ручеек» пересох. Но это было уже не при мне.

7. Как вы отдыхаете?

Я вырос на море и не могу жить без моря или большой воды. Я объездил полмира, но для меня всегда приоритетом были страны, которые омываются морями или где хотя бы есть река. И корпункты выбирал по этому принципу. Даже в степной Тыве сливались Бий-Хем и Ка-Хем — Большой и Малый Енисей. В Тюмени — это Обь, Тобол...

И, конечно, рыбалка. Я, сын рыбака, всегда вожу с собой удочки. Умудрялся даже в Дубае три года ловить кефаль — в городском парке, где все купаются и загорают. Но однажды приезжаю, а там стоят щиты: рыбу не ловить, нарушителей ждёт огромный штраф. Вот думаю, не из-за меня ли?

8. Какие хулиганские поступки вы совершали в детстве или юности?

Моя 38-я школа была в пяти километрах от родительского дома. Приходилось ходить пешком или ездить на велосипеде. Можно было идти по берегу моря или через черешневый сад. Если через сад, то это обязательно заканчивалось тем, что мы воровали черешню. Нас, конечно, предупреждали. Но черешня была такая вкусная, крупная, тёмная — потом я такую встречал только в Италии... Наконец, мы надоели сторожу, и однажды он расстрелял нас из дробовика — крупной солью. Мама потом долго выковыривала из меня эту соль, которая разъедала понятно что. Больно было — думаю, больше, чем если бы ружьё было заряжено дробью.

9. Ваше самое яркое воспоминание?

Осень и зима 1983 года. На Севморпути, в Певеке в дрейфующих льдах зажало караван из нескольких десятков судов. Знаменитая операция по спа-

Ледовитый океан

сению судов атомным ледоколом «Арктика». ТАСС отправил в Певек, на мыс Челюскина, бригаду, в которую включили и меня. Потом все вернулись в Москву, а я остался и провёл там три месяца. Видел гибель парохода «Нина Сагайдак»...

С нашего теплохода мы бросали банки сгущёнки белым медведям. Они как-то эти банки протыкали когтями и ели...

С медведями я встречался еще раз. В Тюмени мы с собкором «Правды» Владимиром Лисиним возглавляли сообщество собкоров центральных

СМИ — честно говоря, мы почти все были соседями, — и устраивали разные мероприятия. Очень любили ездить «по орехи»: сначала компанией собкоров летели из Тюмени в Сургут, а это 700 км, там пересаживались на катер и спускались вниз по Оби в какой-нибудь кедровый массив и собирали шишки.

И вдруг однажды кто-то заметил медведя. Был уже конец дня, все устали, но тут мы спринтерски рванули на катер, вбежали и тут же подняли мостик. Медведь вышел за нами, покрутился на берегу и ушёл. Мы, конечно, утром переплыли на другое место.

Ещё никогда не забуду, как я, собкор ТАСС, прилетел на мыс Харасавэй — писать о разработке этого крупнейшего заполярного месторождения. Прилетел, шагаю с рюкзаком по льдам Ледовитого океана и вижу в небе яркий шар. Вслух воскликнул: «Какое красивое солнце!» А мимо проходит буровик: «Солнце у тебя за спиной, а это Луна». Два огромных ярких шара катились по ледовитой пустыне...

10. Ваши любимые: книга, фильм, песня, блюдо, напиток?

Очень люблю стихи Маяковского и Евтушенко. Класа с 9-го вместе с Филиппом Васильевичем Гавриловым — директором клуба совхоза «Южные культуры» — ездил летом по санаториям и домам отдыха и читал стихи.

Любимые фильмы — «Перевозчик» и «Механик» с Джейсоном Стейтемом. Я люблю его героев за цельность натуры. Он никогда не двуличен, а его поступки не расходятся с его личностью. Он такой, какой есть, выступает против несправедливости, готов защитить попавшего в беду.

Песня — конечно, «Я люблю тебя, жизнь!».

Блюдо — пельмени. Сибирские. Пристрастился в Тюмени, где мы их лепили вечерами всей семьёй. Напиток? Ну какой у меня может быть любимый напиток, если у моего отца Егора Егоровича Жилякова во дворе был свой виноград и яма, где он давил вино? Конечно, красное вино. Лучше «Каберне».

✂